

Александр Васильев

Провал в подвал

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В19

Васильев А.
В19 Провал в подвал / Александр Васильев – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 148 с.

ISBN 978-5-8854-2922-1

Похороны шестого собирают пятерых школьных друзей, когда-то неразлучных. Их объединяет прошлое, от которого никто не ушел. По дороге на дачу всплывают старые обиды и недосказанности. Гроза. Темнота. Шаг за порог - и один оказывается под землей, где воздух пахнет гарью, а стены помнят чужие голоса. Что за место пряталось под домом - и почему тьма внизу так похожа на ту, что внутри?

Триллер, 148 страниц, ЧБ, мягкая обложка

ISBN 978-5-8854-2922-1

© Lennex Corp, 2026
© А. Васильев, 2026

Александр Васильев

Провал в подвал

УДК 821.161.1

ББК 84-44

А. Васильев

Провал в подвал / Васильев А. — Литературное агентство
Эмиля Ахундова, 2026. — 148 с.

ISBN: 978-5-6055635-6-3

16+ В соответствии с ФЗ №436-ФЗ от 29.12. 2010

Эмиля Ахундова
литературное агентство

© А. Васильев, 2026
г. Санкт-Петербург,
Литературное агентство Эмиля Ахундова
(ИП Ахундов Э.И.), ИНН 781302617257.
<https://lit-agent.ru>, https://vk.com/litagent_ru,
<https://t.me/eakhundov>.

ДИСКЛЕЙМЕР

Эта книга является художественным вымыслом. Все персонажи, события и организации придуманы автором, любые совпадения с реальными людьми, местами и ситуациями случайны. Сюжет вдохновлен новостной повесткой, но не основан на конкретных реальных происшествиях. Книга не рекомендуется к прочтению лицам, младше 16 лет.

{ 30% }

ПОХОРОНЫ И ПРИГЛАШЕНИЕ

Последние числа августа в Ленинградской области всегда казались Никите чем-то вроде похмелья: лето формально еще здесь, но уже никто не делает вид, что ему весело. На кладбище было сыро, но не холодно, трава липла к ботинкам, а небо висело низко-низко, как крышка, которую ещё не додумались прикрутить шурупами.

Черную яму закапывали торопливо и буднично. Мужики в резиновых сапогах молча кидали лопатами тяжелую, чуть влажную землю, от которой поднимался запах перегной и чего-то железного, а звук ударов земли о гроб бил как молоток по сердцу. Рядом, под навесом, толпилась привычная смесь: родня, однокурсники, «коллеги по работе», пара случайных знакомых, которых жизнь столкнула с покойником на полгода и почему-то не развела обратно.

Никита стоял в третьем ряду, за спинами, и видел в основном только затылки, зонты и край крышки гроба. Имя одноклассника было написано на табличке аккуратным готическим шрифтом — как название группы, которую они слушали в восьмом классе.

— Он бы сам с этого орал, — подумал Никита. — Похороны в стиле «эмо камбэк».

Слева тихо всхлипнула какая-то тетка. Справа кто-то кашлянул, отодвигая сигаретный запах в сторону. Священник дочитал положенное, перекрестился, кивнул. Люди зашевелились, как будто кто-то выключил паузу.

— Странно, — услышал Никита за спиной тихий голос. — Еще весной в чате писал, что надо собраться. Собрались.

Он обернулся. Там стояла Аня. Черное пальто, собранные в низкий хвост волосы, глаза, которые все время чуть удивленно расширены, будто мир постоянно делает лишний шаг вперед.

— Ну, — Никита чуть дернул уголком рта, — некоторые очень ответственно подходят к организации мероприятий.

Аня посмотрела на него так, будто он только что пошутил про погорельцев в реанимации, но промолчала.

Чуть дальше, у дорожки, стояли Саша и Гриша. Саша — в черном костюме, явно родительском, сел по плечам плохо, но на нем смотрелся прилично. Будущий полицейский, всегда выпрямленный, как в строю, даже на кладбище держал осанку и чеканил шаги. Гриша — наоборот, в дорогом, но как будто слишком расслабленном образе: расстегнутое пальто, шарф, кроссовки, которые стоили дороже, чем вся одежда Никиты вместе взятая.

Даша пряталась чуть поодаль, под деревом, с зонтом. Волосы выбились из хвоста, черная тушь немного поплыла под глазами, но вид у нее был не траурный, а злой. Никита сделал вид, что не заметил этого взгляда.

Они все пятером оказались в одном кадре впервые за два года. Не так он себе представлял «долгожданную встречу».

— На поминки пойдешь? — Аня сказала это так, будто спрашивала не его, а воздух.

— Конечно, — кивнул он. — Когда еще бесплатно поем и узнаю, кто кого ненавидит сильнее, чем покойника.

На этот раз Аня все-таки дернула уголком губ. Совсем чуть-чуть.

Кафе при ритуальном зале пыталось казаться обычным: белые скатерти, искусственные цветы, меню на стене. Только запах здесь был другой — не еды, а смеси воска, дешевого кофе и мокрых курток.

— Давайте помянем, — сказал какой-то дядя с лицом, которое забываешь сразу после первого взгляда. — Он был... хорошим человеком.

Никита отсалютовал рюмкой вместе со всеми, но водку не допил. Горло сжалось от того, как слово «хорошим» повисло в воздухе, не находя ни одного конкретного воспоминания, к которому можно было прицепиться.

У их стола царило странное затишье. Саша сидел прямо, как на экзамене, и время от времени пытался завести «правильные» разговоры: про институт, про сессию, про то, как тяжело сейчас устроиться на нормальную работу. Гриша проверял телефон, что-то считал в голове и в перерывах отпускал аккуратно упакованные комментарии:

— Ну, ему повезло, можно сказать. Не успел в ипотеку влезть.

— Гриша, — тихо одернула его Аня.

— Я серьезно. — Он пожал плечами. — Умер до того, как его съели банки. Это же почти хэппи-энд.

Даша фыркнула, не поднимая глаз:

— Отличная поминальная речь. Запишем на будущее.

Никита почувствовал, как в груди копится знакомый ком: если сейчас он не сделает атмосферу меньше липкой, все просто разойдутся по углам и начнут грызть себя по отдельности.

— Ладно, — он поднял рюмку. — За то, что он все-таки был тем, кто умел всех собрать. Даже таким способом.

— Это не смешно, — бросила Даша.

— Я и не смеюсь, — ответил Никита. — Я констатирую его уникальный организаторский талант.

Саша потер переносицу.

— Ребят, может, давайте без... этого всего? Мы все-таки...

— Все-таки на похоронах, да, — закончил за него Гриша. — Ну так когда, если не сейчас, обсуждать смысл жизни?

Когда столы начали пустеть, а родственники покойного окончательно разделились на тех, кто плачет, и тех, кто делает вид, что занят организацией, их пятерка оказалась в коридоре, между туалетом и выходом.

На улице уже намекало на закат — тот самый ленинградский конец августа, когда свет еще держится, но воздух уже пахнет осенью. Лужи поблескивали во дворе, машины на парковке были покрыты тонким слоем пыли и дождевых брызг.

— Вы как вообще? — спросил Саша, глядя куда-то мимо них. — Нормально?

Ответы были из той же серии, что и вопрос.

— Нормально.

— Живем.

— Пересдача сессии.

— Работа.

У каждого за этим стоял свой маленький крах, о котором никто не хотел говорить в коридоре ритуального зала.

Саша вдруг вздохнул, как человек, который решил, что если сейчас не выстрелит, дальше будет только хуже.

— Слушайте, — сказал он. — У родителей дача пустует. Ну, вы знаете. В поселке. Там все как было. Последние выходные августа, потом учеба, рутина, все такое. Поехали?

Они переглянулись.

— На дачу... после похорон? — Даша приподняла бровь.

— А что, есть правило? — вмешался Гриша. — «Не ездить на дачу в течении трех дней после похорон»?

— Гриша, заткнись, — машинально бросил Никита.

Саша усмехнулся, но взгляд у него оставался упрямым.

— Я серьезно, — сказал он. — Мы два года как чужие. А до этого... ну, вы помните. Лето, футбол, ночевки, лес, костер. Сейчас поселок не изменился, ничего не достроили, правда, странно все выглядит — половина домов, половина коробок. Но наш дом стоит. Родители в городе.

Он на секунду запнулся, подбирая слова:

— Я просто не хочу, чтобы мы запомнили друг друга по сегодняшнему дню. По вот этому всему. Давайте хотя бы попробуем... ну...

— Сделать вид, что мы все еще друзья? — подсказал Никита.

— Сделать вид, что у нас еще есть время, — поправил Саша. — Мы уедем в пятницу после обеда, вернемся в воскресенье вечером. Никто ничего не прогуляет, автобус туда ходит, я встречу вас на станции.

Он говорил все быстрее, как человек, который продает не дачу, а идею того, что дружбу можно перезапустить, как старый компьютер.

Аня кивнула первой.

— Я поеду, — сказала она. — Мне... нужно сменить картинку. Гриша пожал плечами.

— У меня в выходные встреча с клиентом, но... — он посмотрел на экран телефона, как будто там было написано, что ему делать. — Перенесу. Ладно. Дача с вами — такой повод нельзя игнорировать.

Даша смотрела на Никиту. Не на Сашу, не на Гришу, не на Аню — прямо на него.

— А ты? — спросила она. — Ты будешь там шутки про смерть рассказывать или ограничишься бревном для костра?

Никита выдержал этот взгляд.

— Если поеду, — сказал он спокойно, — то буду рассказывать истории. Не только про смерть. У меня, представляешь, есть и другие темы.

Он чуть повернулся к Саше:

— Поеду. Если ты честно скажешь, что это не «ну мы как-нибудь соберемся», а вот прямо в эту пятницу.

Саша кивнул.

— В эту пятницу, — подтвердил он. — Август, последние выходные.

Он посмотрел на Дашу.

Она помолчала еще пару секунд, взвешивая что-то внутри себя, и наконец коротко кивнула.

— Ладно, — сказала. — Один раз можно. Тем более, если это последняя возможность посмотреть, насколько мы все повзрослели. Или нет.

Никита усмехнулся.

— Ну вот, — тихо сказал он. — Покойник нас все-таки собрал. Даже без чата.

На улице пахло мокрым асфальтом и концом лета. Они вышли из ритуального зала по одному — как люди, которых вот-вот снова разведут по разным веткам маршрута. Но где-то между парковкой и остановкой автобуса эта пятерка все же выстроилась рядом: не так близко, как раньше, но уже не так далеко, как утром.

Никита поймал себя на том, что впервые за долгое время ему одновременно и страшно, и немного интересно — что будет, если они действительно проведут вместе эти три дня?

В конце концов, какая разница, где ты похоронишь свое прошлое — на кладбище или на даче.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА СТАНЦИЮ «ПРОШЛОЕ»

Конец августа в Петербурге умел притворяться летом. Солнце еще не сдалось окончательно, но светило как-то вяло, по-осеннему, а ветер уже таскал по перрону сухие листья, которые календарь упрямо записывал в «летние». Электричка на пригород шипела и пахла железом, пылью и чужими историями в пакетах из супермаркета.

Никита стоял у дверей, держась за поручень, и смотрел, как мимо окна лениво ползут серые многоэтажки, гаражи, какие-то склады с облезлыми вывесками. Отражение его лица в стекле смотрело обратно с тем же выражением: «Ты точно хочешь в это ввязаться?».

— Если что, — сказал он вслух отражению, — в крайнем случае будем винить покойника. Он все начал.

— Ты опять с кем разговариваешь? — донесся голос с ближайшего сиденья.

Он обернулся. На сиденье у окна — Аня. Ноги поджаты, рюкзак на коленях, пальцы теребят лямку. На запотевшем стекле — след от ее ладони: она явно уже раз пять пыталась протереть окно, чтобы хоть что-то увидеть.

— С совестью, — ответил Никита. — Но она, как обычно, не явилась.

Аня тихо фыркнула.

— Хорошо, что хоть кто-то из нас остался неизменным.